Изданіе Культурно-Просвѣтительнаго Отдѣла
2-й Якиманской Управы. Тел. 10-02-80.

К. Вернеръ.

КУДА ИДЕТЪ РАЗВИТІЕ ОБЩЕСТВА.

Цѣна 10 коп.

МОСКВА,
Типо-Литографія Бр. МЕНЕРТЪ, Бол. Полянка, д. 9.
1917 г.

Изданіе Культурно-Просвѣтительнаго Отдѣла
2-й Якиманской Управы. Тел. 10-02-80.

К. Вернеръ.

КУДА ИДЕТЪ РАЗВИТІЕ ОБЩЕСТВА.

Цѣна 10 коп.

МОСКВА,
Типо-Литографія Бр. МЕНЕРТЪ, Бол. Полянка, д. 9.
1917 г.

Куда идетъ развитіе общества.

Было время рабства, было время крѣпостного права. Тогда люди раздѣлялись на свободныхъ господъ и несвободныхъ рабовъ, крѣпостныхъ; господа владѣли рабами и крѣпостными и дѣлали надъ ними, что хотѣли. Что они надъ ними дѣлали, мы не станемъ разсказывать: очень ужъ невеселая исторія, да и долго было бы говорить. Времена тѣ прошли, прошли безвозвратно; и стали люди всѣ „свободные". Такъ ли? Не совсѣмъ такъ, и вы это по себѣ знаете.

Посмотрите вокругъ себя, много вы увидите такого, что хоть и не крѣпостное право, а все же *отъ него* осталось.

По-настоящему, всякое начальство должно имѣть только такую власть, чтобы исполнить свои *законныя обязанности*. Правда, и въ этомъ толку немного, если законы плохіе, притѣснительные; надо, чтобы законы были *свободные*. Кромѣ того, надо, чтобы эти законы хорошо исполнялись, чтобы народу можно было слѣдить за ихъ нарушеніемъ и законно бороться со всякими неправильностями. Тогда не могло бы быть злоупотребленій властью для прижимки и угнетенія, для обидъ и насилія.

Таковы свободные порядки. Устроить ихъ можно только тогда, когда законы издаются выборными представителями самого же народа, и когда у народа есть всѣ способы и средства защищать и отстаивать себя и свои интересы. Главные же способы и средства—это свободное слово и свободный союзъ. Пусть каждый получитъ возможность свободно высказывать, писать и печатать все, что онъ знаетъ и думаетъ, чтобы обличить всякую несправедливость, всякое беззаконіе; пусть никто не мѣшаетъ гражданамъ собираться вмѣстѣ и обсуждать тѣ дѣла, которыя ихъ занимаютъ: и борьбу рабочихъ съ капиталистами, и борьбу крестьянъ съ помѣщиками, и всякіе законы, старые и новые, и дѣйствія правительства, и политику съ другими государствами.

Пусть, наконецъ, всѣ и каждый получатъ право свободно соединяться, чтобы сообща добиваться своихъ цѣлей и охранять свои интересы: захотятъ ли рабочіе устроить стачку, чтобы заставить капиталиста увеличить плату, захотятъ ли различные граждане объединиться въ союзъ, чтобы достигнуть избранія такихъ, а не иныхъ представителей въ законодательное собраніе, изданіе такихъ, а не иныхъ законовъ и т. д.

„Такъ-то такъ“, скажетъ кто-нибудь, „хорошо было бы все это, да возможно ли все это сдѣлать?“ Конечно, возможно, хотя и нелегко. Въ западныхъ странахъ народъ *почти* добился такихъ порядковъ. Кое-чего не хватаетъ, но немногаго: здѣсь одного, тамъ другого; въ общемъ же, есть тамъ и законодательство черезъ выборныхъ представителей, и свобода слова, собраній, стачекъ, союзовъ. Досталось все это народу не даромъ: долгая была борьба и жестокая, много пролито было крови за свободу. Зато теперь у нихъ живется не такъ, какъ у насъ: и бѣдности меньше, и заработная плата гораздо лучше, и рабочій день короче, и знаній у всѣхъ больше, потому что народу легче позаботиться о себѣ, постоять за свои интересы. А сто лѣтъ тому назадъ и тамъ было по-нашему, потому что у народа не было правъ и не было силы.

Что было прежде на Западѣ, то дѣлается теперь у насъ, въ Россіи... Недалеко уже время, когда станетъ всѣмъ свободнѣе и легче. Въ этомъ уже теперь мало, кто сомнѣвается.

Но чтобы вѣрнѣе добиться свободы, а, добившись, лучше ею воспользоваться, надо заглянуть подальше впередъ: въ ней ли одной вся суть, и на ней ли все дѣло кончается? Въ далекій путь идетъ человѣчество, и чтобы не сбиваться въ сторону, не дѣлать лишнихъ обходовъ, не тратить силы даромъ, надо ясно, хорошо знать, куда оно идетъ, и какая за какой станція.

Вотъ добились европейскіе народы свободныхъ законовъ; что же, думаютъ они, что пора остановиться? Нѣтъ, они ведутъ новую борьбу и считаютъ ее серьезнѣе прежней. Чего же они еще хотятъ? Конечно, того, чего имъ

не хватаетъ. Даютъ ли свободные законы полную свободу? А вотъ посмотримъ:

Англія, пожалуй, самая свободная страна въ свѣтѣ. Законы тамъ издаются народными представителями, чиновники замѣчательно добросовѣстные, суды безпристрастные, рабочій день—часовъ девять повсюду, заработная плата раза въ три-четыре больше нашей, книгъ и газетъ читается народомъ такъ много, что мы и представить себѣ едва можемъ, слово и печать совершенно свободны, для народныхъ собраній и обсужденія какихъ угодно дѣлъ нѣтъ стѣсненія. Однако, и тамъ далеко еще не рай на землѣ, и если приглядѣться, то увидимъ, что до полной, настоящей свободы все-таки далеко.

Вотъ англійскій рабочій. Живетъ онъ лучше, чѣмъ у насъ мелкій чиновникъ, а работаетъ на фабрикѣ или на заводѣ девять часовъ въ сутки. Что же, онъ свободенъ во время этихъ девяти часовъ? Нѣтъ, онъ находится въ распоряженіи капиталиста, которому отдалъ свою рабочую силу. *Свободы-то* остается не такъ ужъ много. А если бы онъ захотѣлъ имѣть ея побольше? Напримѣръ, работать только восемь часовъ, чего и добиваются передовые рабочіе? Имъ этого не даютъ. Кто не даетъ? Капиталисты. Почему не даютъ? Потому, что имъ нужна прибыль, какъ можно больше прибыли. Совершенно такъ же, какъ и наши капиталисты, они *эксплуатируютъ* рабочихъ, только меньше, потому что сами рабочіе отстаиваютъ себя лучше, чѣмъ у насъ. Пока существуетъ эксплуатація, нѣтъ настоящей свободы, хотя бы законы и были очень свободные.

Но этого мало. Если иногда на время удастся рабочему избавиться отъ эксплуатаціи, такъ только для того, чтобы попасть въ лапы безработицы. Не поладилъ рабочій съ капиталистомъ, тотъ его увольняетъ: ступай на улицу. Тяжела у капиталиста работа, мала заработная плата; требуетъ рабочій условій получше, капиталисты не даютъ; приходится устраивать стачку. Тысячи рабочихъ проживаютъ послѣднія сбереженія, переносятъ голодъ, холодъ; это ли свобода?

Хорошо, если капиталистъ уступитъ, но сила у него большая, и онъ можетъ держаться долго. Не такъ давно былъ случай: забастовали рабочіе каменьщики у одного англійскаго лорда-милліонера; забастовали изъ-за того, что онъ не позволялъ имъ устраивать у себя союзы и увольнялъ всѣхъ, кто не хотѣлъ ему покориться; $2^1/_2$ года продержались стачечники, благодаря поддержкѣ товарищей — рабочихъ почти всей Англіи, а также — помощи другихъ добрыхъ людей, но лордъ все-таки не уступилъ; ему было неважно получить нѣсколько десятковъ, а то и сотенъ тысячъ убытку въ годъ, такъ громадно его состояніе. Бываетъ и такъ, что пойдутъ дѣла капиталиста плохо, и онъ вынужденъ сократить свое предпріятіе и выбросить на улицу сотню и тысячу рабочихъ, даже если бы самъ не хотѣлъ этого. А во время кризисовъ, когда дѣла страшно ухудшаются во всей промышленности, это принуждены дѣлать сотни капиталистовъ, и много предпріятій закрывается даже совсѣмъ; тогда начинается страшная общая безработица; а тѣ, кто еще имѣетъ работу, должны соглашаться на пониженную плату, которую назначаютъ капиталисты; и тутъ ужъ не помочь дѣлу никакими стачками. Какъ разъ такой кризисъ пришлось испытать Россіи съ конца 1899 г., и до сихъ поръ онъ еще не закончился вполнѣ. Да, наконецъ, и безъ кризиса всегда можетъ для многихъ рабочихъ любой почти профессіи наступить безработица, хотя бы изъ-за того, что изобрѣтена новая машина, которая ихъ замѣняетъ; машина должна служить помощью для рабочихъ, облегченіемъ ихъ труда, а тутъ она становится для нихъ проклятіемъ, приноситъ имъ голодъ и лишенія и помогаетъ капиталисту подчинить ихъ своимъ требованіямъ.

Вообще, съ какой стороны ни взять, отовсюду угрожаетъ рабочему одно и то же — необезпеченность; нѣтъ такого дня въ его жизни, когда онъ могъ бы считать свое положеніе прочнымъ и надежнымъ. А при необезпеченности, какая ужъ свобода: развѣ можетъ рабочій спокойно дѣлать все, что онъ хочетъ, когда знаетъ, что судьба его зависитъ и отъ капиталиста, и отъ спроса на рынкѣ на его трудъ, и отъ кризиса, и

отъ машины, и отъ чего еще только! Это не свобода, а тяжелая зависимость; недаромъ нѣкоторые ученые признаютъ, что современный наемный трудъ есть смягченное рабство.

Да и не надъ однимъ рабочимъ виситъ въ нынѣшнемъ обществѣ необезпеченность. Мучитъ она и мелкаго ремесленника или кустаря, живущаго продажей своихъ товаровъ: удастся ли продать и за сколько, вѣдь это совсѣмъ не отъ него зависитъ, а отъ спроса, отъ рынка; тутъ же является на тотъ же рынокъ конкуррировать крупный капиталистъ; производя при помощи машинъ, капиталистъ имѣетъ возможность безъ убытка для себя сбивать цѣны до такой степени, что кустарю или ремесленнику съ этими цѣнами жить становится нечѣмъ. Необезпеченъ и крестьянинъ, который продаетъ свой хлѣбъ тоже на рынкѣ, а за сколько придется продать—зависитъ не отъ него; да еще подстерегаетъ его кулакъ-ростовщикъ, ловитъ минуту, чтобъ закабалить и разорить процентами. Но даже капиталистъ, особенно средній и мелкій, и тотъ никогда не можетъ поручиться за завтрашній день; упадутъ цѣны на его товары, всполошатся кредиторы, приступятъ всѣ сразу и съ ножемъ къ горлу, не удастся добыть столько наличныхъ денегъ, сколько имъ уплатить надо, и кончена его исторія: обанкрутился.

Угнетаетъ капиталистическое общество рабочаго, да и остальнымъ классамъ ни полной свободы, ни спокойнаго счастья, и этому не могутъ помѣшать даже англійскіе свободные законы; они могутъ только облегчить, а не уничтожить всеобщую зависимость. Въ чемъ же тутъ дѣло, и какъ ему помочь, какъ добиться полной, настоящей свободы? Зависитъ свободный рабочій отъ капиталиста и отъ спроса на рабочую силу, а капиталистъ и всѣ прочіе зависятъ отъ сбыта товаровъ, въ этомъ-то и есть самая суть дѣла, эту зависимость и надо уничтожить. Но какъ уничтожить? и возможно ли это?

Было время, когда ни капиталистовъ, ни рынковъ не было; люди жили маленькими обществами—родами—по нѣсколько десятковъ, сотенъ человѣкъ. Каждый такой родъ представлялъ изъ себя просто громадное, разросшееся семей-

ство, потомство однихъ и тѣхъ же прадѣдовъ. Всѣ члены этого семейства работали вмѣстѣ, сообща; добывали такимъ образомъ все необходимое для жизни и по братски все дѣлили; ничего не продавали, не покупали, а жили тѣмъ, что сработали въ общемъ трудѣ. Только жизнь эта была очень бѣдная, не было никакихъ хорошихъ орудій и машинъ, да и откуда ихъ взять, когда все—самодѣльное; а плохими и жалкими орудіями и немного сдѣлаешь, особенно если приходится нѣсколькимъ десяткамъ человѣкъ исполнять чуть не сотни различныхъ работъ, приготовляя для себя все собственнымъ трудомъ: и орудія, и оружіе, и пищу, и одежду, и дома, и украшенія. Не было ни господъ, ни рабовъ, ни капиталистовъ, ни пролетаріевъ, а все же не было и свободы; какая тутъ свобода, когда всѣ едва живы, все время выбиваются изъ силъ, чтобы кое-какъ прожить. Глупо было бы нынѣшнимъ людямъ завидовать тогдашнему порядку.

Отчего же теперь, хоть и нѣтъ этого прежняго братства, а люди живутъ лучше, чѣмъ тогда? Оттого, что теперь не десятки и не сотни людей сообща трудятся, а милліоны людей другъ для друга работаютъ. Какъ такъ? Развѣ по нынѣшнимъ временамъ не каждый о себѣ только и заботится? Заботится-то о себѣ, а работаетъ-то для другихъ. Посмотримъ, какъ это выходитъ.

Покупаетъ рабочій на рынкѣ ситцу на рубашку, платитъ полтинникъ. Полтинникъ онъ своимъ трудомъ заработалъ, а ситцу ему ни за что бы самому не сдѣлать. Кто же дѣлаетъ ситецъ? Другіе рабочіе. Какіе именно? А вотъ какіе: въ Туркестанѣ или въ Остъ-Индіи, а то и въ далекой Америкѣ работаютъ люди на хлопковыхъ плантаціяхъ, приготовляютъ хлопокъ. Везутъ этотъ хлопокъ другіе люди за тысячи верстъ на бумагопрядильныя фабрики, гдѣ изъ хлопка дѣлается пряжа, превращается въ ткань, потомъ—на ситцепечатныя, гдѣ ткань окрашивается узорами. И рабочіе всѣхъ этихъ фабрикъ, такимъ образомъ, участвуютъ въ приготовленіи этого ситца, а также и тѣ, кто перевозитъ продукты съ фабрики на фабрику и, наконецъ, на рынокъ. Работаютъ

люди на всѣхъ фабрикахъ разными орудіями и машинами: тѣ орудія и машины сдѣланы въ разныхъ мѣстахъ рабочими механическихъ и машиностроительныхъ заводовъ и привезены еще другими рабочими на хлопчатобумажныя фабрики: ясно, что и эти всѣ рабочіе приложили трудъ къ выдѣлкѣ все того же ситца. И орудія, и машины сдѣланы изъ желѣза и другихъ металловъ, причемъ тратились также уголь, смазочныя масла и другіе матеріалы. Желѣзо добыто изъ рудъ, которыя выкопали одни рабочіе, а другіе—подвергли выплавкѣ на чугунно-литейныхъ и желѣзодѣлательныхъ заводахъ. Уголь добывался изъ шахты углекопами, а смазочныя масла – еще иными рабочими изъ нефти на нефтеперегонныхъ заводахъ. Ясно, что и эти всѣ вложили по частицѣ своего труда въ производство все того же ситца. А желѣзныя-то дороги и пароходы, на которыхъ перевозились съ мѣста на мѣсто и хлопокъ, и пряжа, и желѣзо, и уголь, вѣдь и ихъ надо было создать трудомъ:—желѣзныя дороги провести на тысячи верстъ, пароходы построить на верфяхъ. И всѣ, кто надъ этимъ трудился, помогли тѣмъ самымъ приготовить ситецъ, и хоть по маленькой частицѣ, а положили въ него свой трудъ. Всѣхъ этихъ работниковъ, сколько мы ихъ перечислили, надо было кормить, одѣвать во время работы, безъ этого не было бы у нихъ рабочей силы, не было бы ихъ работы. Значитъ, всѣ, кто ихъ кормилъ и одѣвалъ, также участвовали въ выдѣлкѣ ситца, потому что безъ нихъ ситца бы не получилось. Кто же ихъ кормилъ и одѣвалъ? Крестьяне воздѣлывали хлѣбъ, кормили скотъ на мясо, огородники сажали овощи, другіе работники приготовляли ситцевыя и шерстяныя ткани, шили сапоги и платье, третьи—строили дома подъ квартиры рабочихъ да и подъ фабрики, на которыхъ ведется работа. И всѣ они, очевидно, также необходимые участники въ производствѣ все того же ситца. Разсматривая это дѣло до конца, вы увидите, что ситецъ сдѣланъ не однимъ и не нѣсколькими работниками, а, въ сущности, всѣмъ трудящимся обществомъ. И то же окажется вѣрнымъ для всякаго другого товара. Всѣ трудя-

щіеся постоянно работаютъ заодно и для всѣхъ, только кромѣ нихъ есть и такіе, что не принимаютъ участія въ этомъ общемъ дѣлѣ и даромъ пользуются его плодами.

Однако, хотя всѣ сотни милліоновъ трудящагося народа работаютъ заодно, но сами они этого не замѣчаютъ и притомъ, что еще важнѣе, не получаютъ отъ этого ни обезпеченности, ни настоящаго благосостоянія. Отчего же все это такъ странно складывается? Есть тому очень важныя причины.

Нашъ рабочій купилъ ситецъ на рынкѣ, купилъ у торговца; и видѣлъ онъ тамъ только ситецъ да торговца, а не могъ, конечно, видѣть всего того, что мы сейчасъ разобрали. Не замѣтно на ситцѣ слѣдовъ отъ труда тѣхъ милліоновъ людей, которые участвовали всякими способами въ его производствѣ; торговецъ же объ этомъ трудѣ, конечно, даже и не заикается, а говоритъ прямо: „ситецъ мой“, и норовитъ содрать за него съ покупателя подороже; стало быть, рабочій долженъ принимать, что это такъ и есть, что ситецъ принадлежитъ торговцу; а, конечно, торговецъ о немъ, рабочемъ, заботится меньше всего и вовсе не заодно съ нимъ трудился. Въ чемъ же, значитъ, дѣло? Въ томъ, что товаръ принадлежитъ не тому, кто его произвелъ. Произвели ситецъ милліоны трудящагося люда, а владѣетъ сначала одинъ капиталистъ-фабрикантъ, потомъ другой капиталистъ-торговецъ; и отъ нихъ-то получаетъ его покупатель за деньги, а не отъ трудящагося общества — за свой трудъ. Какъ же это случилось? А вотъ какъ.

Для того, чтобы заниматься производствомъ, мало однѣхъ рукъ да доброй воли: нужны еще средства производства, т. е., во-первыхъ, орудія, машины, помѣщеніе для работы, во-вторыхъ, всякіе матеріалы для работы, въ-третьихъ, средства къ жизни для работника на все время, пока онъ выполняетъ свое дѣло. Всего этого нѣтъ у работника: онъ — пролетарій, т. е. человѣкъ безъ собственности. Нѣтъ всего этого и у трудящагося общества — у всѣхъ трудящихся вмѣстѣ: у милліоновъ работниковъ нѣтъ никакой общей

собственности, въ томъ числѣ нѣтъ и средствъ производства. У кого же все это имѣется? У отдѣльныхъ богатыхъ людей, называемыхъ капиталистами. У нихъ есть либо прямо эти средства производства, либо деньги, на которыя они легко могутъ все это купить у другихъ капиталистовъ.

Но откуда у капиталистовъ взялись средства производства? Разсказывать все это была бы очень долгая исторія; пришлось бы говорить о томъ, какъ въ старыя времена знатные господа эксплуатировали рабовъ и крѣпостныхъ и составляли богатство изъ ихъ дарового труда, какъ разные чиновники обирали народъ налогами и взятками, а ростовщики пили кровь изъ всѣхъ, кто попадался въ ихъ цѣпкія лапы, какъ племена завоевателей грабили всѣхъ, кого могли ограбить, а ловкіе торговцы надували невѣжественныхъ дикарей, сбывали имъ ничтожныя украшенія и бездѣлушки за золотой песокъ, драгоцѣнныя шкуры и другіе рѣдкіе товары. Все, что такими способами накоплялось, передавалось отъ нихъ другимъ—то по наслѣдству, то посредствомъ ростовщичества, а то и просто—обмана; много крови и грязи пришлось бы увидѣть, если бы на каждомъ капиталѣ оставались слѣды его происхожденія. Одно вѣрно: *трудомъ* составить капитала нельзя, а если бы и былъ такой необыкновенный человѣкъ, который сумѣлъ бы это, такъ уже его наслѣдникамъ капиталъ достался бы безъ труда.

Стало быть, капиталъ—это не трудомъ пріобрѣтенное богатство; но въ наше время безъ капитала нѣтъ средствъ для труда. Капиталистъ нанимаетъ рабочихъ, т. е. даетъ имъ средства: заработную плату, чтобы жить во время работы, и всякія орудія и матеріалъ, чтобы надъ нимъ работать, а за это онъ беретъ себѣ все, что работники произвели, и продаетъ это, какъ свой товаръ, на рынкѣ, чтобы получить прибыль и увеличить свой капиталъ. Такимъ образомъ, то, что произведено одними, оказывается собственностью другихъ; и на этомъ построенъ весь нынѣшній общественный порядокъ. Ни на какомъ товарѣ не видно, кто надъ нимъ трудился; а продаетъ его капиталистъ и

говорить: „это мое“; оттого и не видятъ люди, что они трудятся заодно и общимъ трудомъ производятъ всѣ товары. Потому же и не обезпеченъ любой человѣкъ въ нынѣшнемъ обществѣ, потому что все, что ему надо, онъ получаетъ не отъ общества, а отъ капиталистовъ, которые отдаютъ товары за деньги и только ради прибыли: значитъ, требуется имѣть для нихъ достаточно денегъ, чтобы заплатить имъ прибыльную для нихъ цѣну, а можетъ ли оказываться всегда и у всякаго достаточно денегъ?

Правда, что какъ будто не у однихъ капиталистовъ есть средства производства; есть они еще у ремесленниковъ и крестьянъ, но тѣмъ отъ этого не лучше. Все равно и крестьянинъ, и ремесленникъ свои орудія и матеріалы получаютъ не отъ общества, а на рынкѣ, за деньги. Опять— надо имѣть достаточно денегъ; а всегда ли это удается? Чтобы добыть ихъ, крестьянинъ долженъ продать свой товаръ; но дадутъ ли ему на рынкѣ такую цѣну, какая для него требуется, чтобы жить сносно и работать безъ изнуренія? Это зависитъ не отъ него, и чаще всего выходитъ, что такой цѣны ему не даютъ. Приходится ему биться, какъ рыбѣ объ ледъ; какая ужъ тутъ обезпеченность? Его положеніе не лучше, чѣмъ положеніе наемнаго рабочаго, а зачастую — гораздо хуже.

Какъ же измѣнить все это? Какъ достигнуть настоящей обезпеченности для всѣхъ, а съ нею—и настоящей свободы? Потому что только при обезпеченности люди свободно развиваются, никому не отдавая своей свободы ни цѣликомъ, какъ рабы, ни отчасти, какъ рабочіе, ради средствъ къ жизни. Путь только одинъ—надо, чтобы то, что общественнымъ трудомъ сдѣлано, обществу и принадлежало, чтобы рабочій получалъ средства къ жизни и къ труду не отъ капиталиста, а отъ общества; надо, слѣдовательно, чтобы *всѣ средства производства стали общественной собственностью*. Это и есть ученіе соціализма.

Вотъ что говорятъ коллективисты: мы не хотимъ, чтобы существовали капиталисты, которые владѣютъ всѣмъ,

хотя бы вовсе не трудились, и пролетаріи, которые не владѣютъ ничѣмъ, какъ бы они ни трудились. Мы хотимъ, чтобы все общество состояло изъ товарищей, которые сообща трудятся и сообща всѣмъ владѣютъ. Все, что необходимо для производства: вся земля, всѣ орудія, машины, всѣ матеріалы труда,—все это должно принадлежать *всѣмъ*, т. е. обществу, а не отдѣльнымъ людямъ, т.—е. капиталистамъ, которые пользуются этимъ для эксплуатаціи другихъ. Каждый долженъ быть трудящимся членомъ общества, никакихъ паразитовъ, живущихъ на счетъ чужого труда, не надо. Каждому человѣку общество должно давать средства къ жизни и къ труду, чтобы онъ могъ жить и развиваться, и трудиться, и наслаждаться жизнью. Отъ каждаго человѣка общество можетъ требовать столько труда, чтобы само общество могло такимъ образомъ существовать и развивать свои силы. И понятно, что *обязательнаго* труда при этомъ отъ каждаго требуется гораздо меньше, чѣмъ требуютъ нынѣшніе капиталисты: больше будетъ трудящихся, такъ какъ не будетъ ни паразитовъ, ни безработныхъ; не будетъ безполезныхъ затратъ на роскошь богатыхъ и знатныхъ; силы каждаго разовьются гораздо полнѣе, чѣмъ теперь, и трудъ каждаго будетъ гораздо успѣшнѣе, производительнѣе. Дѣйствуя дружно, общество при своихъ громадныхъ силахъ будетъ въ состояніи построить такія машины, о которыхъ теперь не могутъ мечтать и самые богатые капиталисты, да и вообще развитіе машинъ будетъ итти гораздо быстрѣе, чѣмъ теперь, потому что образованіе станетъ доступнымъ всѣмъ, и всякій получитъ возможность научиться всему, чему пожелаетъ. Такимъ образомъ, для общаго благосостоянія и развитія отъ каждаго члена общества потребуется не только меньше 11—12 часовъ, какъ въ большинствѣ случаевъ работаютъ теперь у насъ на капиталистовъ, но и не 10—9 часовъ, какъ теперь въ Америкѣ и въ Англіи, и даже не 8 часовъ, какъ въ Австраліи и Новой Зеландіи, а часовъ, можетъ быть, вначалѣ 5—6, а потомъ—все меньше и меньше; при этомъ общество будетъ ста-

раться о томъ, чтобы каждый получалъ себѣ работу по душѣ, поскольку это возможно, а тогда и обязательная работа окажется все-равно, что свободная. И понятно, что человѣкъ тогда будетъ чувствовать себя дѣйствительно свободнымъ, сознавая, что тѣ часы, которые онъ отдаетъ на обязательный трудъ, онъ отдаетъ на пользу всего общества, которое само по-братски, по-товарищески о немъ заботится; онъ будетъ, кромѣ того, имѣть массу времени для своего развитія, для своего свободнаго труда и наслажденія жизнью, и не будетъ надъ нимъ начальства и господъ, а только равные ему товарищи; потому что и тѣ, кого общество будетъ выбирать въ распорядители для различныхъ работъ и вообще для хозяйства, даже тѣ не перестанутъ отъ этого быть равными остальнымъ товарищамъ, исполняющимъ, какъ и они, свое дѣло. Тутъ не придется народу бороться съ господами, пролетаріямъ—съ капиталистами: общество станетъ свободнымъ товарищескимъ союзомъ для свободной жизни и развитія. Такова высшая цѣль, которую въ наши дни ставитъ себѣ трудящееся и борющееся человѣчество — соціалистическій идеалъ. Но соціализма нельзя добиться сразу. Чтобы исполнить это великое дѣло, соціалистамъ надо имѣть двѣ вещи: во — первыхъ, силу, чтобы отнять у капиталистовъ и землевладѣльцевъ всѣ средства производства и передать ихъ въ общественную собственность, и, во-вторыхъ, умѣніе и опытъ, чтобы сразу послѣ этого правильно и разумно устроить общественное производство и съ самаго начала справедливо распредѣлить продукты общаго труда. Откуда же взять эту силу и это умѣніе?

Сила получится тогда, когда весь трудящійся народъ пойметъ, чего ему надо, и дружно сплотится для борьбы противъ всѣхъ эксплуататоровъ и всякой эксплуатаціи. Первыми могутъ и должны понять это и сплотиться наемные рабочіе-пролетаріи; вѣдь они лучше всѣхъ другихъ знаютъ по опыту, что такое эксплуатація, и легче другихъ узнаютъ по опыту, что такое товарищеская под-

держка въ общемъ дѣлѣ. А когда они объединятся и энергично поведутъ борьбу за соціализмъ, то къ нимъ вскорѣ присоединятся и ремесленники и крестьяне, поняв̀ши всѣ выгоды свободы и объединенія всѣхъ, и трудящіеся образованные разночинцы, „интеллигенты“, изъ которыхъ уже теперь не мало выходитъ борцовъ. А умѣніе и опытъ, чтобы устроить соціалистическое общество? Это пролетаріи пріобрѣтутъ въ постоянной борьбѣ противъ капитала за улучшеніе своего положенія. Пока нельзя совсѣмъ уничтожить эксплуатацію, надо, насколько возможно, ослаблять и оттѣснять ее, надо добиваться уступокъ отъ предпринимателей, надо бороться за болѣе сносныя условія жизни, чтобы лучше накоплять силы. Для этого надо рабочимъ объединяться въ союзы, стачками и всякими другими способами заставлять капиталистовъ улучшать условія найма, правительства—издавать въ пользу рабочихъ фабричные законы. Въ такой постоянной борьбѣ рабочіе и сплотятся въ громадную силу и въ то же время привыкнутъ и научатся правильно и разумно вести общее дѣло; тогда они и въ состояніи будутъ, когда явится возможность, и устроить общественное производство. Этому дѣлу помогутъ даже капиталисты, хотя противъ своей воли, конечно. У нихъ идетъ жестокая конкурренція; каждый старается побить остальныхъ и вытѣснить ихъ съ рынка. Въ этой конкурренціи болѣе сильные одолѣваютъ слабыхъ и разоряютъ ихъ и захватываютъ себѣ ихъ капиталы и ихъ предпріятія. Такъ создаются громаднѣйшія предпріятія, о какихъ прежде никто и не мечталъ; и предпріятій этихъ оказывается числомъ меньше, чѣмъ прежде. То же самое получается и тогда, когда капиталисты хотятъ избавиться отъ конкурренціи со всѣмъ ея рискомъ, и для этого соединяютъ вмѣстѣ свои капиталы: устраиваютъ всякія товарищества на паяхъ или акціяхъ, а также громадные союзы, чтобы сообща вести производство и сбытъ товаровъ. Каждое такое товарищество и каждый такой союзъ (синдикатъ)

становятся однимъ громаднымъ предпріятіемъ; и опять предпріятій оказывается числомъ меньше и размѣромъ больше. При этомъ выходитъ, что въ предпріятіяхъ рабочіе объединяются массами все больше и больше: сотнями, тысячами и даже десятками тысячъ. Это все больше пріучаетъ рабочихъ чувствовать заодно и дѣйствовать заодно, и вообще помогаетъ имъ воспитываться и соединяться для общаго рабочаго дѣла. Тутъ все легче становится рабочимъ пріобрѣсти для борьбы за соціализмъ и силу, и умѣнье. А къ тому же, уменьшается и другая трудность дѣла: предпріятій становится все меньше, а сами они величиной все больше; и трудящемуся народу, конечно, легче будетъ овладѣть небольшимъ числомъ громадныхъ предпріятій, чѣмъ множествомъ мелкихъ. Выходитъ, что даже и капиталисты, заботясь только объ эксплуатаціи, о своихъ выгодахъ, подготовляютъ невольно соціалистическій строй, который имъ, понятно, ненавистенъ.

Въ передовыхъ странахъ міра рабочіе пріобрѣли посредствомъ союзовъ и борьбы за свои интересы большую силу и большой опытъ и увѣренными шагами идутъ къ соціализму; но надо помнить, что до тѣхъ поръ пока не будетъ политической свободы, настоящая, широкая борьба за соціализмъ невозможна, и невозможна успѣшная борьба противъ капитала вообще, борьба за интересы рабочихъ, за лучшія условія жизни.

Это необходимо русскому рабочему понять и усвоить. Не ему одному нужна политическая свобода: стремятся къ ней и другіе классы русскаго общества, но рабочему классу политическая свобода всего нужнѣе. Другіе классы согласятся и на частицу политической свободы, для себя самихъ, главнымъ образомъ; пролетаріату же нужна настоящая, полная политическая свобода.

Ежедневная газета

ПРАВДА

Орган Ц. К. Россійской Соціал-Демократическ. Рабочей Партіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

12 мѣс. 16 руб. 6 мѣс. 8 р. 25 к.
3 мѣс. 4 р. 25 к. 1 мѣс. 1 р. 50 к.

Адрес конторы и редакціи: **Петроградъ**, Мойка, 32.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТЪ

Органъ Московскаго Комитета Россійской Соціал-Демократической Рабочей Партіи.

АДРЕСЪ КОНТОРЫ: МОСКВА, Мал. Гнѣздниковскій пер., Капцовское училище.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
В провинціи. .	10 р. 80 к.	7 р. 20 к.	3 р. 60 к.	1 р. 20 к.
В Москвѣ . . .	9 р. 90 к.	6 р. 60 к.	3 р. 30 к.	1 р. 10 к.

БОЛЬШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ

соціал-демократическая газета

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Условія подписки: 6 мѣс. 13 руб. 3 мѣс. 7 руб. 1 мѣс. 2 р. 50 к.
Льготная подписка: 6 „ 11 „ 3 „ 6 „ 1 „ 2 „ — „

Соціалистическим и рабочим организаціям, народным библіотекам, народным учителям и учащимся.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Петроградъ, Невскій 64.

КУЛЬТУРНО-ПРОСВѢТИТЕЛЬНЫЙ ОТДѢЛ

2-ой Якиманской Управы.

Москва, Житная ул., Казанскій пер., д. 15. — **Тел. 10-02-80.**

Вышла изъ печати брошюра: Пайер. ПРИБАВОЧНЫЙ ТРУД и ПРИБАВОЧНАЯ ЦѢННОСТЬ

Цѣна 20 коп.